

Сегодня такой сладкий шестнадцатый День рождения моей дочери, но мы не будем его праздновать. Вместо этого я зажгу в ее память свечу, а когда я задую ее, то загадаю желание. Мое желание — чтобы матери во всем мире учились и смогли принять решение, основанное на знании. Это решение предотвратит бессмысленные трагедии и никогда не даст матерям испытать мою боль.

История Лауры

После сорока одной недели беременности здоровая, прелестная крошка Лаура Мэри вошла в этот мир 27-го июля 1986. Дома нас восторженно приветствовали семья и наши друзья, с тревогой ожидавшие появления нового члена семейства. Они завалили её таким количеством красивых маленьких розовых платьев, что мы шутили, что она не сможет износить их за всю жизнь.

Наша жизнь изменилась полностью. Теперь она вращались вокруг прогулок с коляской в парке, посещения друзей, смены подгузников, ночных кормлений и покупки еще меньших по размеру розовых платьев. Мы стали родителями, мы имели теперь настоящую семью и жизнь была прекрасна.

Я взяла Лауру на проверку к педиатру. Последняя была немолодой любезной и приветливой женщиной. Она была очень довольна развитием и весом Лауры в 3 месяца. Она сделала ей прививки DPT (АКДС — прим. перев.) и оральной полиовакцины. Я не задавала никаких вопросов, т.к. знала, что дети всех моих друзей получили в том же возрасте те же самые прививки и все «хорошие матери» прививают своих детей, чтобы защитить их. Мы покинули кабинет педиатра и отправились домой.

Лаура была очень беспокойна. Для нее это было необычно. Она громко плакала в своей коляске. Когда мы добрались домой, я поняла, что она мочилась так много, что в коляске все промокло. Затем ее плач превратился в крик, потом у нее поднялась температура. Нога опухла, стала красной и горячей на ощупь. Я позвонила педиатру и та сказала, что это «нормально» и чтобы я дала ребенку темпру. Я дала темпру и почувствовала себя спокойней, ведь педиатр убедила меня, что это нормально.

Лаура продолжала кричать, и я больше не могла ее успокоить. Все мои инстинкты подсказывали мне, что это не было нормально, но я была молода, это был мой первый ребенок и я доверяла врачу. Я не могла держать Лауру на руках, потому что на руках она начинала кричать еще громче — казалось, любое движение ее ноги причиняло ей ужасную боль. Я положила ее в кроватку, и она кричала, пока не заснула. Это принесло мне огромное облегчение. Темпра работала и доктор, вероятно, была права. Я подумала, что глупо было так беспокоиться. Спустя короткое время Лаура проснулась, крича, и провела весь вечер то крича, то засыпая.

У нее не было совершенно никакого аппетита, и ничто не могло остановить ее крик. Наконец, пришло время сна, и она кричала в своей кровати, пока не заснула. Она никогда не кричала раньше перед сном, и я чувствовала себя очень неуютно оттого, что оставила ее, но когда я держала ее на руках, она кричала ещё громче. Мой муж пришел с работы домой, и я рассказала ему обо всем, что случилось в тот день. Лаура крепко спала в своей кровати; она, казалось, чувствовала себя лучше и мы решили не волноваться... А я должна была волноваться!

Утром я проснулась и была поражена, что муж проспал. Я сразу поняла, что что-то не в порядке, и беспокойство прошедшей ночи вновь охватило меня. В ужасе я подбежала к её кровати. Лаура выглядела как-то неестественно. Я зажмурила глаза и снова открыла их, думая, что это сон. Но когда я открыла глаза, она выглядела мёртвой.

Я впала в шок, и все, что дальше происходило в тот день, осталось в моей памяти расплывчатым пятном. Я тронула её, она была очень теплой. Я закричала мужу, чтобы он звонил 911.

Я смотрела, как он делал искусственное дыхание. Я оцепенела и не могла двинуться. Он пробовал оживить нашего ребенка, но напрасно. Он крикнул, чтобы я открыла дверь парамедикам. На какое-то время я вернулась к действительности, пошла и открыла дверь. Теперь я могла двигаться, но не могла говорить. Я стояла в оцепенении, тряся головой и чувствуя себя совершенно беспомощной, в то время как парамедики, полицейские и пожарные пробежали мимо меня в наш дом. Я не плакала, я хотела крикнуть им, чтобы они ее оставили в покое, но я не могла говорить. Она лежала на полу, а они трясли ее крошечное тело в маленькой спальне со стенами, покрашенными в желтый цвет, и обоями с клоунами. Я стояла там, молясь в душе, чтобы они оставили ее в покое, чтобы они вышли из ее спальни и чтобы я проснулась от этого страшного сна.

Я услышала, как кто-то сказал, что есть слабый пульс, и во мне проснулась надежда. Амбуланс помчал Лауру в больницу. В это время детективы ввели нас в другую комнату, и допрос начался.

Они решили, что моего мужа и меня следует допросить в разных комнатах. Я сразу поняла, что они подозревают нас. Все мы знаем, что здоровые дети не умирают внезапно и просто так. Я была безмолвна. Я уже решила, что все произошло так или иначе по моей вине, и хотя я не была полностью уверена в том, что же именно я сделала, чтобы убить ее, я была убеждена, что каким-то образом причиной всему была я. Возможно, я была наказана Богом за грех, или, возможно, это случилось потому что я оставила её кричать, пока она не заснула той ночью. Факт оставался фактом: мой ребенок был мертв, а у «хороших матерей» дети не умирают.

Муж начал резко возражать против характера задаваемых вопросов, и потребовал, чтобы нас немедленно доставили в больницу, чтобы мы могли видеть нашего ребенка. Детективы, наконец, взяли нас в больницу. Там нас привели в «комнату плохих новостей». Вошел доктор и настоял на том, чтобы мы сели перед тем, как он начнет говорить. Он стал говорить о том, что они пробовали и то, и это, и, наконец, сказал

слова, которые эхом будут звучать в моих ушах всю жизнь:

«Она умерла»;

Педиатр, которую я так уважала и перед которой преклонялась, не выдержала и заплакала, когда я сообщила ей эту новость по телефону. Она не могла решить, что же ей делать. То она защищала прививку, то обвиняла ее и тех, кто сказал, что она безопасна, в смерти моего ребенка.

Потом она сказала мне, что у нее был другой младенец, мальчик, умерший после той же самой прививки.

Детективы отвезли нас домой. Они задавали так много вопросов и так часто повторяли их, что, наконец, сами от этого устали. Все вертелось вокруг нашего возможного участия в деле. Они обыскали всё в поисках следов незаконного проникновения в дом. Муж вновь и вновь говорил им о необычном поведении ребенка с того времени, как он получил прививку.

Все наши знакомые побывали у нас. Я делала кофе и прибирала в доме, словно это был обычный день из тех, в которые мы принимали гостей. Шок — странная и одновременно замечательная вещь. Вы не понимаете, что происходит с вами.

Мои родители настояли, чтобы я переехала на несколько дней к ним, пока муж и друзья выполняли страшную работу, собирая вещи в детской. Комната, которую я украшала с такой любовью, стала такой пустой и источником такой боли...

Несколько дней спустя, после похорон и крошечного белого гроба, который был настолько мал, что мой муж нес его один, я, наконец, вышла из шока и позволила себе выплакаться. Я рыдала обо всем, что никогда уже не случится в моей жизни. О балетной студии, в которую я никогда не возьму свою дочь. О ее свадьбе, на которую я никогда не приду. О внуках, которых я никогда не увижу. Обо всех мечтах, связанных с дочерью, которые никогда уже не осуществятся. Я рыдала обо всем, что было и обо всем, что никогда не случится. Во мне была пустота, угрожавшая поглотить меня целиком. Это были самые черные, самые страшные дни в моей жизни.

Детективы, в конце концов, убедились, что мы не вредили нашей дочери каким-либо образом, и следствие о причинах ее смерти завершилось. Мы остались без ответов.

Доктора не желали говорить о ее смерти в контексте какой-либо связи с прививкой и, один за другим, отказывались отвечать на наши вопросы. Мне неоднократно говорили, что «польза перевешивает». Мне даже говорили, что смерти от прививок «ожидались» в войне против болезней, но эти потери, считалось, должны быть на «приемлемом» уровне. Однако для меня, для матери, потерявшей своего ребенка, это не показалось приемлемым.

Наконец, несколько месяцев спустя coroner сказал нам, что причиной смерти был

СВДС (синдром внезапной детской смерти), что означает «причина неизвестна», и отказался дать нам копию протокола вскрытия.

Потребовался почти год, чтобы мы получили этот протокол. К нашему ужасу, мы поняли, что результаты вскрытия были скопированы непосредственно из монографии о вакцине, из раздела «Противопоказания». Было написано следующее:

«Сообщается о случаях синдрома внезапной детской смерти после проведения прививки вакциной, содержащей компоненты против дифтерии, коклюша и столбняка. Однако значение этих сообщений неясно. Общим фактором является возраст от 2 до 6 месяцев, в котором проводилась первичная иммунизация, в то время как пик большинства внезапных младенческих смертей приходится на возраст от 2 до 4 месяцев»;

Не проводилось никакого токсикологического испытания, и педиатр никогда не сообщала о побочных реакциях на вакцину руководству службы здравоохранения. Позднее я узнала, что большинство смертей, обусловленных прививками, списываются на СВДС, а статистика по СВДС НЕ включена в данные по побочным реакциям на прививки, даже если ребенок умирает через несколько часов после прививки. С помощью таких данных врачей и публику убеждают в том, что прививки безопасны.

Собственная правительственная литература сообщает, что в области безопасности или эффективности вакцин исследований не проводилось вообще или они были недостаточны. В сущности, наши дети — вот оно, это испытание. Согласно литературе, иммунизация — «наиболее экономически эффективный» способ предотвратить болезни. Нигде в их литературе не утверждается, что при этом он и наиболее безопасный. Мы торгуем жизнями наших детей, чтобы сэкономить правительственные деньги. Нам говорят, что выгода перевешивает риск, но многие из болезней, против которых мы прививаем детей, не представляют угрозы для жизни, в то время как прививка способна убить.

Прививки убивают намного чаще, чем нас пытаются убедить. Мы играем в прививочную рулетку с жизнями наших детей, и мы никогда не знаем, какой ребёнок падёт следующей жертвой прививок.

Желаете ли вы рисковать шансом смерти 1 на 500 тыс., 1 на 100 тыс. для необратимого поражения мозга, 1 на 1 700 для судорог и конвульсий или 1 на 100 для побочных реакций? Достаточно ли приемлемы эти шансы, чтобы убедить вас сыграть в рулетку с жизнью вашего ребенка?

Я уверяю вас, что смерть от прививки ни быстра, ни безболезненна. Я беспомощно наблюдала, как медленно и мучительно умирала моя дочь, как она кричала и извивалась от боли, в то время как вакцина делала то, для чего была произведена — уничтожала ее хрупкую иммунную систему. Яды, используемые в качестве консервантов, просачивались в ее крохотное тело, проникали в ее органы и разрушали их до тех пор, пока те полностью не перестали работать. Эта картина всегда будет преследовать меня, и я

верю, что ни один из родителей никогда не должен стать свидетелем этого.

Смертный приговор, считающийся слишком негуманным для самых жестоких преступников этого округа, был объявлен моей чудесной невинной крошке дочери и приведён в исполнение путем смертельной инъекции.

Сегодня, в День рождения моей дочери, я оплакиваю не только потерю моего собственного ребенка, но и всех невинных детей, для которых которых выгода от вакцин не перевесила риск, и которые были приговорены к смерти путем смертельной инъекции под лозунгом «польза перевешивает». Истинная война ведется не против болезней; каким-то образом мы стали нашими собственными худшими врагами, подменив природу нашей верой в науку. Сегодня я призываю всех матерей мира присоединиться ко мне и положить конец этому бессмысленному истреблению самого драгоценного — наших детей.

Отклик Дон Ричардсон, президента «PROVE»;

(Слово «Prove», переводящееся как «доказать», является в данном случае акронимом «Parents Requesting Open Vaccine Education» — «Родители, требующие открытого образования в вопросах прививок» «PROVE», по собственному заявлению, «обеспечивает информацией о прививках, прививочной практике и политике, затрагивающих взрослых и детей в Техасе. Наша цель — предотвратить смерти и увечья, связанные с прививками, и защитить права каждого на информированное согласие в вопросах прививок для себя и членов своей семьи» — А. К.)

Дорогие члены «PROVE»,

Я публикую это как дань памяти маленькой Лауры и всех тех детей, которые были искалечены или убиты прививками. Я публикую это для того, чтобы родители могли увидеть и другую сторону прививок.

Когда я была почти на 8-м месяце беременности одной из моих дочерей, я вызвалась пойти в окружной морг Трэвиса с Карин Шумахер, которая, прежде чем начала учиться на юридическом факультете, администрировала рассылку новостей NVIC (National Vaccine Information Center — Национальный Центр информации о прививках — А. К.). Карин попросила меня помочь ей просмотреть протоколы вскрытий младенцев, получивших диагноз СВДС, и проверить информацию о прививках. Я этого никогда не забуду. Мы сидели в подвале, заваленные протоколами вскрытий младенцев, в то время как мой собственный младенец пинался и крутился во мне

Вот два наших наблюдения:

1. Непропорционально большое количество смертей от СВДС приходилось на 2, 4 и 6 месяцев — на те самые месяцы, когда младенцы получают прививки. Если бы прививки не имели к этому никакого отношения, то смерти распределялись бы по первым 6 месяцам жизни беспорядочно. Но это не так. Я призываю всех, говорящих «нет»: идите в любой морг страны, и имейте мужество признать то, о чем я говорю.

2. Поражало, насколько редко регистрировалась информация о прививках и как мало действительно делалось для расследования причин смерти. Меня ставило в тупик, что даже когда прививки были упомянуты, информация о них была крайне неполной. Медэксперты обычно уклонялись от поисков этой незаменимой информации, а дата смерти ребенка не заставляла их искать какие-либо связи и не вызывала у них никаких вопросов.

При чтении истории Кристины меня потрясло, что и сейчас, 16 лет спустя, так много докторов все еще преуменьшают риск прививок и даже отрицают его, и здоровые младенцы все еще умирают, получив прививку.

В высшей степени оскорбительным является прививочный законопроект сенатора Фриста, ограждающий фармкомпания от любой ответственности за случаи, когда прививка кого-либо калечит или убивает. Он предлагает, чтобы федеральное правительство увеличило сумму денег, которую родители получают по правительственной программе компенсаций после того, как их ребенок умирает от прививки. Родители не желают этого кровавого откупа. Избранные должностные лица, подобно Фристу, хотят устранить финансовую ответственность всех фармкомпаний и бросить кость родителям, обещая, что правительство заплатит им больше, когда им же навязанная прививка убьет их ребенка. Этот законопроект должен быть утвержден конгрессом. Если Вы еще не послали электронной почтой замечания вашим сенаторам, выступите против S 2053 — ПОЖАЛУЙСТА, сделайте это! Если фармкомпаниям не угрожает НИКАКАЯ ответственность, то единственное, в чём мы можем быть уверены, это в том, что истории, подобные случившейся с Лаурой, станут намного чаще.

Ключ к переменам — образование. К счастью, Интернет позволяет родителям обучать друг друга. Пожалуйста остановитесь на момент после чтения этого отклика, и произнесите молитву за всех детей, чья жизнь закончилась еще до того, как они получили шанс ее начать... а затем найдите время, чтобы отправить этот материал другим родителям.

Искренне,
Дон Ричардсон
Президент «PROVE»

Комментарий д-ра Джозефа Мерколы

Я настоятельно призываю вас отправить эту статью каждому — родителям настоящим и будущим, женщинам детородного возраста и любому, кто может быть с ними знаком, и просить их распространять этот материал дальше. Одно из самых больших достоинств Интернета — это то, что мы можем быстро распространять важную информацию; другое его достоинство — мы (пока!) не ограничены в этом праве правительством или корпорациями.

Трагическая история Лауры, к сожалению, не нова. В течение многих лет, как вы можете увидеть по ссылкам, приведенным ниже или с помощью поиска на mercola.com, я предостерегаю против прививок. Это же делают и другие заслуживающие доверия врачи. Польза, которую прививки могут принести, перевешивается вредом, который они причиняют — от заражения теми самыми болезнями, против которых их делают, до, как мы видели на примере этой истории, даже смерти.

Существуют иные и значительно более безопасные методы, начинающиеся с действительно здоровой диеты, как это отмечается в моей программе питания. Разумеется, производители лекарств и купленное ими правительство не хотят, чтобы вы верили в то, что пищевые продукты, которые вы употребляете, и привычки, которые вы приобрели, имеют решающее значение для долгой жизни и для создания иммунитета к болезням. Они хотят, чтобы вы считали, что их лекарства, включая вакцины, необходимы для существования вашего и ваших детей. Их богатство основано на вашей зависимости, поэтому они сделают всё, чтобы стереть даже упоминание о «естественном»; — ведь от него они не получают никакой прибыли, а вы возвращаете контроль над своим здоровьем. Они истратят три миллиарда долларов только в этом году на рекламу своих лекарств, охотясь за страхами и надеждами ничего не подозревающих потребителей, с помощью своих ловких кампаний. Очевидно, они не остановятся даже перед убийством наших детей, чтобы насытить свою алчность.

Я еще раз предлагаю вам ознакомиться с материалами по данным ниже ссылкам и использовать мощную поисковую систему на www.mercola.com, используя слова «vaccine» или «pharmaceutical manufacturer», чтобы узнать, как наш медицинский истеблишмент подвергает риску вашу жизнь и жизнь ваших близких, а также как вернуть назад ваше здоровье.

Кристина Колебек

Оригинал по адресу: http://www.mercola.com/2002/aug/7/vaccine_death.htm

Источник <http://www.homeoint.org/kotok/index.htm>

{jcomments on}